

Lehner, Kurt M.: Friedrich Hielscher. Nationalrevolutionär, Widerständler, Heidenspriester. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2015. – S. 233. – ISBN 978-3-506-7134-5.

Ленер, Курт М.: Фридрих Хильшер. Национал-революционер, участник Сопротивления, языческий проповедник. – Падерборн: Фердинад Шёнинг, 2015. – 233 с. - ISBN 978-3-506-7134-5.

Рецензент / Rezensent:

Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

Монография Курта Ленера посвящена биографии человека, который не избалован вниманием германских исследователей, несмотря на то, что он состоял в переписки с многими известными германскими и европейскими интеллектуалами XX века. Речь идет о Фридрихе Хильшере, авторе масштабной работы «Рейх», ставшей одним из кирпичиков идей консервативной революции, состоявшего в дружбе и обширной переписке с Э. Юнгером. Ф. Хильшер был фрайковровцем и консервативным публицистом, писателем и мистиком, оборонявшимся от национал-социализма и одновременно товарищем по союзу осужденного нацистского преступника Вольфрама Зиверса, и наконец, масоном и основателем и главой собственной языческой церкви. Набор перечисленных исторических отпечатков, оставленных Ф. Хильшером, уже может заинтересовать исследователя. Наследие Ф. Хильшера приобрело в Германии актуальность в 1990-е гг. в связи с возрождением неоязыческой волны в германской молодежной субкультуре. Следует отметить, что в 2004 г. были опубликованы две обстоятельные биографии Ф. Хильшера, принадлежащие перу Петера Бана и Инны Шмидт (Bahn P.: Friedrich Hielscher. 1902-1990. Einführung in Leben und Werk. – Schnellbach, 2004; Schmidt I.: Der Herr des Feuers. Friedrich Hielscher und sein Kreis zwischen Heidentum, neuem Nationalismus und Widerstand gegen der Nationalsozialismus. – Köln, 2004). Бан подошел к анализу наследия Ф. Хильшера с философских позиций, а Шмидт с социологических, тем самым рассмотрев его наследие под разными ракурсами. Книга К. Ленера представляет собой рассмотрение связей и контактов Ф. Хильшера, анализа его философско-теологических работ и языческих ритуальных текстов. Автор считает, что Ф. Хильшер был первым, кто произвел реабилитацию германского язычества, но не на основе расовых заблуждений, отягощенных идеологией крови и почвы, а старался прийти в основе к спиритическому содержанию германских мифов и дать на них культовый ответ (S.9).

К. Ленер отмечает, что склонность Ф. Хильшера к религиозной тематике обозначилась еще в детстве. В годы обучения в школе он проявил интерес к германо-языческой проблематике, избрав в качестве темы школьного реферата религию Эдды, называя себя «сыном Локи». Автор отмечает, что христианская религиозность была характерной чертой семьи Хильшеров, и Фридрих сохранил связь с Евангелической церковью до 1924г., пока вместе с родителями не покинул ее (S.11,14). К. Ленер отмечает, что Хильшер был сыном своего времени и, разделяя германские националистические представления, в 1919 г. вступил в члены Силезского фрайкора, где впитал фёлькишескую идею германского братства. Интересно, что наставником его в отряде был Арвид Харнак, позднее основатель Рабочего общества изучения плановой экономики, участник Сопrotивления, член советской агентурной сети «Красная капелла», казненный нацистами в 1942 г. в Плётцензее (S.12). Его участие во фрайкоре было не долгим. Когда в марте 1920 г. его отряд присоединился к путчу Каппа-Люттвица, то Ф. Хильшер вышел из него, т.к. считал данное выступление глупостью (S.15).

С апреля 1920 г. Хильшер начинает изучать право в Берлинском университете. К. Ленер отмечает, что в данный период происходит его сближение сначала с Немецкой народной партией, а затем и с левыми консерваторами. Его балансирование между правыми и левыми консерваторами находило выражение в посещениях лекций и диспутах в Высшей школе политики, где он учился у доцента Т. Хойса, впоследствии первого президента ФРГ, с которым поддерживал контакт долгие годы; участвовал в дискуссиях в Немецком обществе 1914 года; был близок к Августу Виннигу, который старался объединить националистические и религиозные идеи, стремясь создать новую религиозность рабочего класса, из которой он бы черпал свои силы. К. Ленер отмечает важную роль А. Виннига в установлении контактов Хильшера с левыми консерваторами. В частности, именно благодаря ему произошло знакомство Хильшера и Э. Юнгера (S.29).

К. Ленер на основе анализа переписки между Ф. Хильшером и Э. Юнгером воссоздает историю их взаимоотношений, в которых находилось место как частным проблемам, так и философско-религиозным (S.50-55). Именно в издании Э. Юнгера «Arminius» была опубликована первая статья Ф. Хильшера. Следует согласиться с мнением автора о том, что переход Хильшера на правые позиции был вызван отвержением буржуазности и демократии, политической системы Веймарской республики и стремлением к деятельности и принятию решения (S.29). Удачно автор реконструирует детали интеллектуального общения Хильшера с Э. Юнгером и Э. фон Заломоном (S.31-35). К. Ленер подчеркивает наблюдение Заломона и Ф.Г. Юнгера о религиозной основе политических позиций Ф. Хильшера (S.35). Их объединял германский национализм, который понимался ими как противоположность порабощающему империализму, источник свободы и права на равенство, поэтому он был центром силы политического волеобразования (S.42).

К. Ленер отмечает, что в Веймарской республике Ф. Хильшер смог не только интеллектуально

реализовать себя в общении с представителями консервативной революции, внося своими работами свой вклад в создание идейного мира консервативной революции, но и приобрести свои отличительные черты. Автор обращает внимание на некоторую особенность окружения Хильшера, связанную с общением его с представителями восточных народов: японцами, индусами, арабами, сионистами. К. Ленер совершенно верно отметил здесь взаимосвязь политических и религиозных аспектов. Он полагает, что борьба против империализма, за освобождение колониальных народов объединялась с его интересом к доктринам традиционных религий (S. 40-41). Нам представляется, что этот интерес к традиционным верованиям восточных народов был вызван стремлением Хильшера воссоздать древнегерманские представления. Поэтому изучение восточных традиционных верований должно было помочь восстановить систему связей древней веры и народа. Сотрудничество Ф. Хильшера с изданиями, выпускаемыми Э. Юнгером, сблизило его с Ф. Шаувекером, который подтолкнул его к написанию книги «Рейх», которая была опубликована последним в издательстве «Стального шлема» (S.56). К. Ленер детально анализирует сочинение Хильшера, справедливо определяя его как «теологию рейха». Рейх выступал для Хильшера как священная идея, историческая имманация Бога в мире, во времени и пространстве. Это была идея внутреннего порядка, объединяющая государство и церковь (S.82-86).

Рассматривая окружение Ф. Хильшера, К. Ленер опирается на классификацию И. Шмидт, выделявшей два окружения: национал-революционных публицистов и группы Сопротивления. Однако он дополняет ее третьим кругом – сторонников тайной Свободной церкви (S.92). Автор совершенно справедливо отмечает параллели между кругом Свободной церкви и «Тайной Германией» Ш. Георге. Объединенными элементами выступали антибуржуазность, ритуальная практика, мужская союзная структура, активная публицистическая деятельность в рамках круга, близость с членами круга, вплоть до гомосексуальных отношений (S.93-99, 179-187).

К. Ленер указывает на критическое отношение Ф. Хильшера к национал-социализму, который видел его основу в вульгарном материализме, биологизме и расизме. Если нацисты говорили о расе и крови, то Хильшер о духе и душе. Следует считать справедливым утверждение автора о том, что позиции Ф. Хильшера и нацизма были диаметрально противоположными (S.123). Исследователь подчеркивает, что своеобразной защитой Хильшера от репрессий со стороны нацистского режима был генеральный секретарь Аненербе СС В. Зиверс, который входил в круг Хильшера (S.124). Автор называет его инфильтрованной фигурой круга Хильшера в нацистском режиме, что позволило Хильшеру использовать научные программы Аненербе для развития своей языческой теологии и литургии (S.12-129). После покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Хильшер был арестован, но благодаря связям был отправлен из тюрьмы на фронт, где через несколько месяцев оказался в плену.

Рассматривая послевоенный период жизни Ф. Хильшера, автор акцентирует внимание на его

мемуарах и основании им собственной церкви. Детально анализируются поздние религиозные представления и литургические гимны Хильшера (S.148-177). Скончался Ф. Хильшер в марте 1990 г. и был захоронен по католическому ритуалу по завещанию усопшего. К. Ленер считает, что имя Ф. Хильшера сохранилось в духовной истории Германии. Его место, как Э. Юнгера и Э. фон Заломона, находится среди национальных революционеров.

1. Pyta Wolfram: Hitler. Der Künstler als Politiker und Feldheer. Eine Herrschaftsanalyse. – München: Siedler Verlag, 2015. – 846 s. – ISBN 978-3-8275-0058-8.

Пюта Вольфрам: Гитлер. Художник как политик и полководец. Анализ одного господства. – Мюнхен: издательство Сидлер, 2015. – 846 с. - ISBN 978-3-8275-0058-8.

2. Longerich Peter: Hitler. Biographie. - München: Siedler Verlag, 2015. – 1295 s. – ISBN 978-3-8275-0060-1.

Лонгерих Петер: Гитлер. Биография. - Мюнхен: издательство Сидлер, 2015. – 1295 с. - ISBN 978-3-8275-0060-1.

Рецензент / Rezensent:

Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

Мюнхенское издательство Сидлер в 2015 г. опубликовало две обстоятельные биографии Адольфа Гитлера, написанные известными исследователями германской истории первой половины XX в. Первое исследование принадлежит перу Вольфрама Пюты, автора фундаментальной биографии Пауля фон Гинденбурга, генерала-фельдмаршала и второго президента Веймарской республики. Автором второй биографии Гитлера был Петер Лонгерих, известный исследователь истории третьего рейха, специализировавшийся на протяжении нескольких десятилетий на изучении проблем антиеврейской политики национал-социализма и Холокоста, в последние несколько лет опубликовавший биографии Г. Гимmlера и П. Й. Геббельса. И вот сейчас вышла в свет биографическое исследование фюрера нацистского государства А. Гитлера.

В германской исторической литературе последних лет даже стали говорить о начале «гитлеровской волны», начавшейся с критического издания книги А. Гитлера «Моя борьба» и сопровождавшейся публикацией книг по истории создания «Моей борьбы», а также биографий нацистского лидера. В этой связи рассматриваемые исследования хорошо вписываются в данную череду работ и рассматривают личность Гитлера с различных сторон. Совершенно очевидно, что для германской национальной истории личность Гитлера занимает особую нишу в ряду исторических личностей. Всячески подчеркивая позицию осуждения теории и практики нацистского государства, что стало устоявшейся традицией исторической памяти в ФРГ, вместе с тем присутствует историческое стремление понять феномен национал-социализма, его причины и цели деятельности, исторические последствия. Здесь нельзя обойти стороной личность вождя, без которой никогда бы не было нацистского движения и никогда бы не утвердилось нацистское господство.

Биографических работ, посвященных Гитлеру, огромное количество. Они затрагивают как

жизненный путь политического лидера, так и посвящены отдельным сторонам его жизни. Поэтому достаточно сложно остаться оригинальным, увидеть в Гитлере то, что ускользало от других биографов. Следует сразу подчеркнуть, что В. Пюте и П. Лонгериху удалось найти свой ракурс взгляда на исторического героя, который не был хрестоматийным для всех предшествующих биографов Гитлера. В. Пюта подошел к анализу личности А. Гитлера, опираясь на проблемное поле междисциплинарного подхода. П. Лонгерих исследовал биографию Гитлера как структурную историю нацистского господства.

В. Пюта отмечал, что Гитлер был не единственным кровавым диктатором XX века, но его «дьявольская энергия уничтожения», которую он идеологически предвосхитил, легитимировал и установил на деле, связало его имя с жесточайшими преступлениями против человечности – мировой войной и беспощадным уничтожением политических противников. Автор полагает, что принятие Гитлером решения об убийстве евреев началось с установления контроля над армией. Таким образом, абсолютизация военного вождизма была необходимым условием к руководству Холокостом (Puta, S.7-8). П. Лонгерих отмечал уникальность фигуры А. Гитлера, состоящую в том, что он был политическим лидером, который за короткий период своего господства вплоть до крушения, проводил политику, унесшую миллионы человеческих жизней. Его диктатура была зеркальным отражением его личного господства. « «Структура» режима невысказана без Гитлера, также как Гитлер невысказан без своих учреждений» (Longerich, S.9). Гитлеровский «новый порядок» устанавливался через политику геноцида и массовых убийств. Автор считает, что предпосылки данного политического господства следует искать в правозычтимистских движениях как реакции на военное поражение в Первой мировой войне, германскую революцию 1918 г., Версальский мир и мировой экономический кризис. Потенциал враждебности лежал в национализме, авторитаризме, расизме, милитаризме, внешнеполитическом ревизионизме и империализме, существовавшим в германском обществе и элитах. П. Лонгерих утверждает, что эти тенденции присутствовали в германском обществе, а Гитлер выступил лишь в качестве катализатора этих процессов (Longerich, S.11).

Исследования В. Пюты и П. Лонгериха отличаются методологической основой изучения. В. Пюта опирается на тезис В. Бенямина о нацизме как «эстетизации политики», что заставляло концентрировать внимание на словах, тоне и образах как средстве медийного изображения. Это требовало переформатирования политических выступлений Гитлера, влекущего за собой смещение исследовательского фокуса с того, **что** говорил Гитлер как партийный вождь-рейхсканцлер-фюрер на то, **как** он осуществлял политические выступления и инсценировал свои речи. Автор отмечает, что антисемитизм, господство насилия, эчтимистский национализм, оскорбление политических противников были желаемы избирателями, что выдвинуло Гитлера и партию с подобным профилем на передний план. Однако данные подходы привлекали не всех восприимчивых избирателей к нацизму (Puta, S.10). В. Пюта использует два ключевых понятия, введенных Г.-У. Гумбрехтом, «культуру смысла» и «культуру присутствия». Он утверждает, что Гитлер в политическом

господстве сочетал как «культуру присутствия», так и мир «культуры смысла», что позволяет утверждать о культурном основании гитлеровского политического господства. Он оказывал воздействие на общественное пространство через свой голос и свой образ. Таким образом, применительно к случаю Гитлера эстетизация политического происходила через культурно-присутственные практики и смысло-культурный дискурс, что в целом следует воспринимать как господствующий ресурс (Pyta, S.13). П. Лонгерих исходил в осмыслении личности А. Гитлера из того, что предполагает возможность понимания феномена политического господства нацистского лидера, опираясь на теорию структурного анализа. Уделяя роль личности в процессе определения политического господства, автор подчеркивал, что нацистское господство характеризовалось тем, что в нем происходило сочетание двухстороннего влияния: воздействие фюрера и его роли в создании нацистского господства в Германии, а также влияние созданного властного аппарата нацистского господства на определяемую вождем политику (Longerich, S.13).

В. Пюта называет Гитлера «визуальным человеком», поддерживавшим свое влияние через визуальное восприятие обществом. Однако после начала серии военных поражений в 1943 г. он перестает появляться перед публикой, поддерживая свое влияние на массы через современные медиасредства – радио. В этой связи автор приводит справедливое утверждение о том, что симпатии и увлечения Гитлера творчеством немецкого композитора Р. Вагнера основывалось не на близости антисемитских позиций (антисемитское воздействие Гитлер испытывал из других каналов) или германской мифологии, а на средствах воздействия, устанавливающую программу взаимодействия тона-образа-слова-пространства (Pyta, S.14). Поэтому основополагающим принципом изучения личности Гитлера В. Пюта считает соединение эстетического и политического, так как политик Гитлер немислим без художника Гитлера (Pyta, S.16). Культурно-политическая символика власти Гитлера выразилась в соединении политического и военного руководства. Здесь фюрер опирался на исторические аналогии соединения политического и культурного элемента политики на примере Бисмарка и Мольтке, фигуре Гинденбурга, и впоследствии образе Фридриха II. Подобное сочетание функций, по мнению автора, определялось Гитлером как гениальность. В. Пюта отмечает, что Гитлер стремился утвердить над военными тотальное господство посредством утверждения своей воли так же, как он установил это господство в политической сфере с 1933 г. (Pyta, S.20-22). В. Пюта доказательно утверждает, что гитлеровское господство опиралось на эстетическое мировоззрение, харизматическую практику лидерства, мировоззренческий фанатизм и монополию на военное руководство. Ключевую роль здесь играла Вторая мировая война, без которой была бы невозможна практика Холокоста и Гитлер никогда бы не смог стать полководцем (Pyta, S.43). В этой связи следует подчеркнуть наблюдение В. Пюты о роли карт в становлении полководческих основ гитлеровского господства. В мире карт Гитлер ощущал воздействие пространства войны, его война умещалась в размере карт. В рамках пространства карт он мог навязывать военным свое видение войны и направленности военных операций, в то время как там, где картами было невозможно определить зону боевых действий – что было характерно для

оперативного применения авиации и военно-морского флота - существовала определенная свобода действий. Сцена, а не текстуальное пространство были зоной применения гитлеровских способностей. «Писательская работа была Гитлеру ненавистна» (Pyta, S.30).

В. Пюта стремится проникнуть в духовно-эстетический мир Гитлера, выявить систему культурно-эстетических коммуникаций. Автор отмечает, что радикализация антисемитских воззрений Гитлера произошла в Баварии после Первой мировой войны, и в меньшей степени характерна для предшествующего периода, где у Гитлера существовали близкие отношения с евреями на основе общности культурно-эстетических взглядов, а также его сослуживцы в годы войны, среди которых немало было евреев (Pyta, S.124-127). Формирование харизматического лидерства Гитлера В. Пюта относит к середине 1923 г., когда стал осуществляться процесс иконографии Гитлера посредством фотографии и публичного выступления. Наделение политических выступлений театральных эффектом позволяло, с одной стороны, усиливать влияние на массы, а с другой, скрываться под маской шоумена, что вводило в заблуждение иностранных наблюдателей, не придававшим Гитлеру как политику серьезного значения (Pyta, S.185-188). Автор подчеркивает отличие парламентских выступлений Гитлера от его речей как главы правительства, так как в последнем случае ему приходилось взвешивать каждое сказанное слово, которое воспринималось как позиция (Pyta, S.196). В. Пюта отмечает, что в «Моей борьбе» Гитлер определил гения нового типа – художественного творца нового мировоззрения, определяющего не только контуры нового мира, но и его политический образ и действительность (Pyta, S.239). Объединение политика и полководца было для Гитлера вопросом престижа. Первые плоды этого слияния автор отмечает во время заключения германо-советского пакта 1939 г., а последующая стремительная победа на Западном фронте служила предпосылкой для подчинения военных военному гению Гитлера (Pyta, S.274, 297). Начало этого процесса В. Пюта относит к лету 1940 г., а его окончательное завершение произошло в период с декабря 1941 г. по февраль 1942 г. (Pyta, S.400). Таким образом, В. Пюта заключает, что гитлеровская гениальность выступает как пример разрушительного потенциала в мировой истории, выражающейся в предоставлении политики в руки художника-политика (Pyta, S.653).

П. Лонгерих уделяет внимание структурным элементам господства, что повлекло за собой снижение внимания к внутреннему миру и повседневным практикам Гитлера. Гитлер как человек и художник уступает место Гитлеру политику. П. Лонгерих начинает основную часть биографии Гитлера с 1918 г., с окончанием войны и началом революции в Германии (Longerich, S.59). Автор отмечает влияние общественной атмосферы послевоенного Мюнхена на радикализацию политических и антисемитских воззрений Гитлера (Longerich, S.64-77). Следует отметить подробный анализ П. Лонгерихом контекста деятельности Гитлера, как в «период борьбы», так и в годы нахождения у власти. Это позволяет автору вписать деятельность вождя в практику утвержденного им господства (Longerich, S.77, 143-145). Автор выделяет два основных лозунга периода Веймарской республики, которые использовались Гитлером в качестве политической рекламы – освобождение Германии от евреев и лозунг расширения жизненного пространства (Longerich, S.191). Объединение

внутриполитических и внешнеполитических целей произошло в годы Второй мировой войны. Реализация антиеврейского курса в годы войны и личную причастность Гитлера к принятию решения П. Лонгерих обосновывает аналогией с приказом об эвтаназии, подписанным Гитлером, в то время как «ненаписанный приказ» в отношении евреев отличается только по форме, но не по сути (Longerich, S.705). Отмечая начало провозглашения тотальной войны в 1943 г., автор указывает на наличие двух тотальных войн: тотальной войны, объявленной Геббельсом в 1943 г. и тотальной войны Гитлера в форме «расовой войны», связанной с депортациями евреев (Longerich, S.904). П. Лонгерих приходит к заключению, что Вторая мировая война была войной Гитлера. Это выразилось не только в расширении границ войны, но и в превращении ее в расовую войну на уничтожение, которая и выступала целью, формирующей империю на основе факторов «расы» и «пространства» (Longerich, S.1009).

Опубликованные исследования биографии Адольфа Гитлера В. Пюты и П. Лонгериха являются серьезным вкладом в осмыслении природы гитлеровского господства и особенностей нацистского государства. Это существенный шаг вперед в понимании особенностей политического лидерства в диктаторском режиме, открывающий новые аспекты политической деятельности А. Гитлера.

Wegbereiter des Nationalsozialismus. Personen, Organisationen und Netzwerke der extremen Rechten zwischen 1918 und 1933, hrsg. v. D. Schmidt, M. Sturm, M. Livi. (Schriftenreihe des Instituts für Stadtgeschichte – Beiträge, Bd. 19). – Essen: Klartext Verlag, 2015. – 290 S. – ISBN 978-3-8375-1303-5.

Предшественники национал-социализма. Личности, организации и сети экстремистски правых между 1918 и 1933 гг./ Под ред. Д. Шмидта, М. Штурма и М. Ливи (Серия трудов Института городской истории. – Статьи. Т. 19). – Эссен: Клартекст, 2015. – 290 с. – ISBN 978-3-8375-1303-5.

Рецензент / Rezensent:

Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

Данный сборник научных статей, изданный в серии трудов Института городской истории, посвящен теме предшественников национал-социализма. Структурно книга разделена на 4 раздела: 1. «Фёлькишеские объединения» – включает в себя 3 исследования; 2. «Парамилитаристские корни» – состоит из 4 статей; 3. «Региональные сети» – содержит 3 статьи; 4. «Предшественницы» – включает в себя 2 статьи.

Во вступительной статье редакторы сборника отметили, что в его основу легли материалы конференции осени 2013 г. под названием «Предшественники нацизма». В фокусе обсуждаемых проблем были личности, организации и сети немецких правых 1919-1933 г., или в нацистской классификации – «периода борьбы». Цель конференции состояла в эмпирическом анализе всеобщего спектра активности экстремистски правых, а также их организационное и деятельное взаимодействие. В конце 1980-х проблема инкубационного развития национал-социализма в ходе спора историков была усилена проблемой убийства евреев и политикой уничтожения, где стали говорить об убийцах и жертвах. Предшествующий акцент на жертвах нацизма оставлял в тени активных участников нацизма, поэтому стали предприниматься попытки биографических исследований или создания коллективной биографии, которая бы позволила понять социализацию нацистских виновников в последующее время, позволяя задуматься о парадигматической карьере нацистов (S.7-8). Редакторы сборника подчеркнули, что термин «предшественники» следует понимать как категорию интерпретации, требующую наполнения конкретным материалом (S.10) Изучение коллективно-биографических и организационно-исторических аспектов позволит исследовать гетерогенные и аморфные формы решений фёлькишески-антисемитских,

антиреспубликанско-реваншистских или военно-нигилистических актеров и их взаимодействие. Авторы вступительной статьи выделяют два направления исследований: во-первых, изучение коллективной биографии фашизма или национал-социализма, что позволит понять наличие между ними взаимодействия ценностей и действий. Изучению подвергаются не только программные положения, но и сами участники, их стиль, формы организации и идентичности, жизненный мир и культурные практики; во-вторых, изучение личного взаимодействия, объединений и сетей экстремистских правых в Веймарской республике должно опираться на понятия субкультура, субокружение и окружение, асоциальной направленности их деятельности. Объединение и сплочение этих групп осуществлялось через демонстрации и тайные собрания, через систему образования и просвещения политических объединений. Предлагается введение нового понятийного аппарата: окружение, движение, субкультура, субокружение и сцена. Авторы отмечают, что структура окружения гетерогенна, но основывается на всеобщих культурных и жизненных практиках. Изучение предшественников позволит взглянуть и на возможность альтернативы национал-социализму, возможности перспективы развития правых организаций в веймарский период нацизма (S.16-18).

Статья Уве Лохальм и Мартина Улмера посвящена Альфреду Роту и Немецко-фёлькишескому союзу защиты и отпора (S.21-35). Авторы рассматривают деятельность союза, который берет свое начало еще в период кайзеровской монархии и в начальные годы республики превратился в крупную организацию фёлькишеского антисемитизма. У. Лохальм и М. Улмер доказывают, что на 1922 г. (год запрета и роспуска организации) – это был крупный и деятельный антисемитский союз в Германии, насчитывавший 180 тыс. членов. Союз осуществлял агитацию на улицах, проводил массовые собрания и манифестации, их представители входили в националистические и милитаристские организации, участвовали в различных формах политического протеста, вплоть до применения насилия (S.21). Авторы отмечают ключевую роль А. Рота в разработке теории заговора и активизации антисемитской пропаганды. Им осуществлено соединение уличной агитации и стратегии массовых коммуникаций (S.23-24). У. Лохальм и М. Улмер утверждают, что пропагандистский захват общественного пространства через миллионы листовок и наклеек был новой и успешной формой массового антисемитизма в германском обществе (S.27). Авторы доказывают, что многие члены союза после запрета влились в нацистское движение, больше чем 1/3 гауляйтеров начинали свою карьеру в союзе (S.31).

Статья Александры Эше рассматривает жизненный путь тюрингского политика и публициста Макса Роберта Герстенхауэра (S.37-55). Он начал свою политическую карьеру в годы кайзеровской империи. Был членом Пангерманского союза, считался экспертом по расовому и еврейскому вопросам (S.39). Имел устойчивые контакты с Немецко-фёлькишеским союзом защиты и отпора, после запрета которого, попытался возглавить духовного лидерство в фёлькишеском движении.

После 1925 г. он критиковал нацистов как конкурентов в борьбе за влияние в фёлькишеских кругах, их парламентский курс после 1925 г. считал опасным и дискредитирующим фёлькишеское движение (S.43). А. Эше отмечает, что сближение Герстенхауэра и нацистов произошло в 1930 г. при создании правой коалиции в Тюрингии, в которую впервые вошли нацисты. Это было закреплено сотрудничеством с В. Фриком (S.47-48). В годы нацистского государства он оказался на второстепенных ролях, контактируя с СС как расовых эксперт (S.53).

Исследование Стефании Шрадер посвящено Немецко-фёлькишеской партии свободы и ее опыту предвыборной коалиции с НСДАП (S.55-69). Автор отмечает, что регионально партия действовала в Пруссии и Мекленбурге и имела контакты с Немецко-фёлькишеским союзом защиты и отпора (S.56). Автор подчеркивает важность коалиционного взаимодействия партии и НСДАП на выборах 1924 г., которое не принесло должного успеха. Активность нацистов во второй половине 1920-х гг. в северогерманских областях привело к постепенному вытеснению партии. Последний раз она участвовала в выборах 1928 г. и проиграла. С. Шрадер отмечает, что НСДАП впитало в свои ряды двух видных представителей партии – Эрнста графа Ревентлова и В. Кубе. Историческое значение партии состояло в том, что она была «радикализированным агентом фёлькишеской активности на пути к национал-социализму» (S.69).

Статья Жан-Филиппа Поплуна изучает социально-историческую и персональную преемственность южногерманского фрайкора (S.73-88). Автор рассматривает социальный и персональный состав «добровольческого отряда Хаасе» и баденский штурмовой батальон Курляндия. Исследователь отмечает, что большинство членов отрядов являлись представителями военной молодежи или ветеранами войны (S.83). Оценивая степень институализации членов этих объединений в нацистские организации, исследователь приходит к выводу, что 80% членов организаций не продолжили свою деятельность в нацизме (S.87).

Статья Александра Графа посвящена студенческим объединениям Германии и Австрии (S.89-104). Автор отмечает активность студентов в фрайкорах, их антиреспубликанский настрой, антисемитизм и германский национализм (S.100). А. Граф полагает, что начало нацистского тотального управления молодежью следует вести с их победы на студенческом съезде в Граце в 1931 г. (S.102).

Истории австрийских правых объединений посвящено исследование Мартина Молла (S.105-123). Автор отмечает ориентацию австрийских объединений на итальянский фашизм с идеей авторитарного государственного и общественного устройства (S.105). Контакты с нацистами начались только с 1927 г. через пропаганду идеи аншлюса, которая активизировалась после 1933 г. (S.116).

Статья Манфреда Вихманна посвящена концепции белого интернационала В. Пабста (S.125-140). В. Пабст был активным участником сети правых организаций Германии и Австрии, создателем

«фашистского интернационала» (S.125-126). Автор отмечает, что в основе концепции Пабста было стремление объединить фашистские силы и создать «интернационал националистов» (S.128). Политическая программа интернационала подразделялась на духовную, состоящую в поиске третьего пути между большевизмом и либерализмом, и практическую, выражающуюся в финансировании организации за счет личных контактов (S.132-136). Вихманн считает, что в рамках «белого интернационала» Пабст прошел путь от политического солдата к несущему солдатский отпечаток политику (S.139).

Деятельности баварских элит посвящена статья Бригитты Цубер (S.143-160). Анализируя политические, экономические и военные элиты Баварии, автор видит в них преемственность с возникшим нацистским движением. Отмечается большое влияние антисемитских пропагандистских материалов в вопросе радикализации вооруженных сил Баварии (S.151). Таким образом, делает вывод автор, нацизм возник в благоприятной социальной среде.

Работа Ханца Йорга Буссе посвящена Фридриху Андерсену и «Союзу за немецкую церковь» (S.179-191), в которой рассматриваются фёлькишески-протестантские круги в Шлезвиг-Гольштейне. Фридрих Андерсон трактуется как предшественник фёлькишеской немецко-христианской идеологии, опирающейся на расистские положения (S.183). Автор отмечает, что Андерсон стал нацистским агитатором в вопросе синтеза христианства и нацизма (S.191).

Статьи Хайдрун Цеттельбауэр и Аннике Шпилькер посвящены женщинам в фёлькишеском движении. Работа Цеттельбауэр изучает жизненный путь графини Зальбург (S.195-220). Романы австрийской писательницы графини Зальбург использовались нацистами как элемент воспитательной литературы, провозглашающей антидемократические положения, пропагандирующие культ вождя, легитимирующие антисемитские и расово-гигиенические теории (S.195, 211). Статья А. Шпилькер исследует биографию Матильды Людендорф (S.221-235). Автор отмечает, что путь М. Людендорф в фёлькишеское движение начался еще в кайзеровской империи, когда она сочиняла успешные фёлькишеские книги, нашедшие одобрение у Гитлера (S.224). А. Шпилькер видит преемственность М. Людендорф с нацизмом в антисемитизме и ее стремлении путем комбинации феминистских, антисемитских и расовых идей создать единый фёлькишеский проект религии (S.234).

Подводя итог, следует сказать, что рецензируемый сборник статей является существенным вкладом в осмыслении предшественников национал-социализма в Германии.

Angela van der Goten: Im Gespaltenen Zauberland. Oswald Spengler und die Aneignung des Fremden. Versuch einer interdisziplinären Deutung. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2015. – 592 s. – ISBN 978-3-8253-6411-3.

Ангела ван дер Готен: В расколоте волшебной стране. Освальд Шпенглер и присвоение чужого. Опыт междисциплинарной интерпретации. – Гейдельберг: университетское издательство Винтер, 2015. – 592 с. – ISBN 978-3-8253-6411-3.

Рецензент / Rezensent:

Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

Осмысление творческого наследия немецкого философа Освальда Шпенглера на протяжении уже столетия не снижает остроту споров и наблюдений о воздействии его идей, а самое главное его труда «Закат Европы» на европейский и мировой интеллектуальный мир. Несмотря на предметный анализ философских и исторических композиций О. Шпенглера, обращение, а точнее возвращение к Шпенглеру осуществляется вновь и вновь. И здесь, наверное, следует иметь в виду не степень ответов философа на проблемы развития человеческой культуры, а саму постановку вопросов, предпринятую им.

Среди огромной литературы, посвященной личности и творческому наследию О. Шпенглера выделяются исследования А.М. Коктанека (Koktanek A.M. Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968) и Д. Фелкена (Felken D. Oswald Spengler. Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988), анализирующие, соответственно, философско-историческую концепцию на фоне биографии философа, и рассмотрение философско-исторических и политических взглядов в контексте политической истории Германии первой половины XX века. Рецензируемая монография Ангелы ван дер Готен существенно отличается от устоявшегося способа понимания шпенглеровского наследия. Она, в отличие от Коктанека и Фелкена, рассматривает личность и взгляды О. Шпенглера на основе погружения в мир внутреннего «Я» и интерпретации его наследия сквозь психологический анализ личности философа. Таким образом, она исследует не столько то, что было высказано, а то, почему это было высказано, и высказано именно так, как это было написано и продемонстрировано читателям.

Книга основывается на диссертации, защищенной на философском факультете университета имени Рупрехта и Карла в Гейдельберге. Она представляет собой попытку междисциплинарного

исследования личности и взглядов О. Шпенглера на стыке исследовательских полей психоанализа, философии и теологии (S.26). В основе понимания личности немецкого философа лежит психоаналитический анализ его детства и юности посредством существующей психоаналитической модели изучения личности, где истоки лежат в изучении детских переживаний. Центральный вопрос, который ставит исследовательница, состоит в том, каким образом Шпенглер концептуализировал и структурировал основы своего учения, что позволит ответить на вопрос, кем был Шпенглер в действительности (S.21)?

Психоаналитический подход предполагает обладание человеком двумя базовыми инстинктами: жизни (Эроса) и смерти (Танатоса). В основе жизненного инстинкта лежит удовлетворение сексуальной энергии, а инстинкт смерти служит реализации агрессивной энергии. Задача «Я» состоит в удовлетворении инстинктов с учетом существующих социальных норм (Табу). Неудовлетворенная сексуальная энергия приводит к яркому проявлению в СверхЯ инстинкта смерти и выражается в доминировании агрессивных тенденций личности. Болезнь как комплекс неполноценности приводит к гиперкомпенсации, выражающейся в стремлении к власти и доминированию (S.19).

А. ван дер Готен полагает, что Шпенглер был больным человеком, страдающим пограничным нарушением личности, характеризующимся садомазохистскими проявлениями и нарциссизмом. Центральным симптомом пограничного состояния она выделяет страх, который заставляет Шпенглера в качестве защитной реакции осуществлять идентификацию собственной личности с чужим, другими людьми, что автор называет «присвоением чужого» (S.33). Болезнь Шпенглера не позволяла ему реализовывать свое «Я», что приводило к осуществляемой им компенсации посредством идентификации собственной личности с другими людьми. Его индивидуальность растворялась в чужой личности, переплетая свое и чужое. Автор полагает, что Шпенглер идентифицировал себя в большей степени с Ницше, а также с Гераклитом и Гёте (S.22). А. ван дер Готен предполагает, что таким образом Шпенглер одевал маски, присваивая чужие личности, стилизировал их, в надежде обрести внутреннюю уверенность и тем самым реализовать свое «Я» (S.25). Таким образом, предпосылкой успеха «Заката Европы», а также ключом к его дешифровке служит идентификация личности автора и созданного им учения (S.22).

Психоаналитический анализ детства и юности Шпенглера автор осуществляет, опираясь на автобиографию философа, и, в большей степени, на книгу и неопубликованный дневник сестры Шпенглера Хильдегарт Корнхардт. А. ван дер Готен справедливо указывает на совпадение направленности книги Хильдегарт с известной книгой Э. Фёрстер-Ницше о своем брате, их стремление продемонстрировать своего брата как гения. Однако дневник Х. Корнхардт открывает потаенные стороны натуры Шпенглера, которые она старалась скрыть от общественности. Именно на страницах дневника открывается психическая болезнь Шпенглера (S.40).

Основу психических нарушений А. ван дер Готен находит в переживаниях детства. Семья, в которой отсутствовало чувство любви, создавала предпосылки будущих фобий Шпенглера. Отец, воспринимавший брак как выполнение долга, и мать, несчастная в браке, вынуждали его с раннего детства жить в мире фантазий. Он жил в постоянном страхе, который со временем перерос в фобию страха перед непогодой или публичностью, которая отягощалась еще диагностированным пороком сердца (S.178-181). Автор полагает, что пограничным нарушением личности страдала мать Шпенглера Паулина, а также психические нарушения были и у сестры Адели (S.194, 556). Страх перед взрослением и необходимостью выбора профессии вызывал у Шпенглера мысли о самоубийстве, если его "принудят к реальным делам" (S. 253). Биполярное разделение на мир и контрмир, полагает ван дер Готен, началось с противопоставления Шпенглера и его матери (S.196), заставлявшее компенсировать страх посредством переноса себя на место победоносного полководца в африканских или великогерманских битвах, о которых фантазировал Шпенглер в детстве (S.253). Автор высказывает суждение о том, что страх перед миром, сформировавшийся в детстве у Шпенглера, позднее нашел свое воплощение в основном сочинении германского философа (S.206).

А. ван дер Готен останавливается на сексуальной стороне жизни Шпенглера, что является обязательным компонентом психоанализа. Она заключает, что существовавшие проблемы с девушками связаны с задержкой развития, когда, как писал Шпенглер, в 20 лет я ребенок, в 30 лет – студент (S.267). В фазе ребенка девушки не входили в орбиту его интересов и идейного мира, но нельзя сказать, что сексуальная сторона не интересовала его вовсе. В его мире образ женщины раскалывался на Мадонну/хорошую мать и проститутку. Стремление Шпенглера искать себе друзей не среди живых людей, а в мире абстракций и фантазий, приводило к тому, что он не мог выстраивать отношения с девушками, и все его попытки терпели крах. А. ван дер Готен считает, что свои садомазохистские желания он мог реализовывать только с проститутками, так как садомазохистские эксцессы с женщинами могли вызвать нежелательные общественные последствия (S.273). Отношения Шпенглера с проститутками нашли отражение в дневнике сестры Х. Корнхардт. Автор полагает, что биограф Шпенглера Коктанек, который был знаком с дневниками, опустил этот аспект, стремясь описать образ уважаемого Шпенглера, сконцентрировавшись на его талантах (S.330). Здесь следует отметить, что Хильдегарт Шпенглер в 1908 г. вышла замуж за Фрица Корнхардта, отношения с которым у матери не особенно ладилась, поэтому свое завещание она составила в пользу единственного сына Освальда и будущей фрау Шпенглер (S.334).

А. ван дер Готен считает, что разгадка Шпенглера состоит в том, что его литературное творчество было стремлением адаптироваться к враждебному миру, стремлением вернуться в «Закате Европы» в «волшебную страну» детства (S.380, 364). В своей книге он переносил собственную агрессию в форму безграничного отвращения, выражая тем самым признаки собственного личностного

нарушения, скрываемые под маской ницшеанского господина земли (S.494).

Автор полагает, что наибольшее воздействие на Шпенглера оказал Ницше и был его основной «маской». Ницше был философом будущего, обладавшим собственной истиной, также как и Шпенглер в своем фаустовском образе культуры, который являлся отражением идеи сверхчеловека Ницше (S.513-514). У Ницше Шпенглер заимствовал мотивы нигилистического кризиса, декаданса и воли к власти, включив их в собственную универсально-историческую морфологию истории. А. ван дер Готен утверждает, что Шпенглер не придумал ничего нового, только афористически стилизовал идеи, предоставив субъективный взгляд на мировую историю (S.330). Таким образом, экспансия «Я» через присвоение чужого несла в себе надежду на создание свободной от страха волшебной страны, в которой личность Шпенглера могла обрести гармонию.

Психоаналитическая биография А. ван дер Готен акцентирует внимание на личном фоне создания «Заката Европы», что показывает воздействие и отражение индивидуальности на философское сочинение. Однако только шпенглеровская стилизация чужого вряд ли смогла бы придать его книги такую популярность. Здесь следует учитывать и политическую и общественную ситуацию в Германии в условиях расколотого общества, где книга Шпенглера вызывала особый интерес постановкой актуальных вопросов и ответом на них. Психологический разбор личности и сочинений Шпенглера открывает новую сторону анализа интеллектуального наследия германского философа.

Schulze-Marmeling, Dietrich: Lew Jaschin. Der Löwe von Moskau. –
Göttingen: Die Werkstatt. - 272 S. - ISBN: 978-3-7307-0331-1

Шульце-Мармелинг, Дитрих: Лев Яшин: Московский лев. –
Геттинген: Ди Веркштатт. - 272 с. - ISBN: 978-3-7307-0331-1

Рецензент / Rezensent:
Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

Легендарный вратарь московского «Динамо» и сборной СССР Лев Яшин хорошо известен во всем мире – подобно бразильцу Пеле. О выдающихся успехах супер-голкипера говорят уже его титулы: олимпийский чемпион 1956 года, чемпион Европы 1960 года, вице-чемпион 1964 года, звание «лучший вратарь 20 века» и др. В футбольной сверхдержаве, каковой является Германии, такая легенда мирового футбола не нуждается в представлении. Тем удивительнее факт, что до выхода рассматриваемой здесь книги его спортивная и человеческая судьба так и не стала предметом отдельного полноценного жизнеописания со стороны немецких исследователей. И вот, аккурат к проходившему в России летом 2017 года Кубку конфедераций, такая работа появилась.

Автор первой академически релевантной биографии Льва Ивановича Яшина на немецком языке, Дитер Шульце-Мармелинг, является признанным в своей стране мастером жанра футбольной истории в целом и футбольной биографии в частности. Его перу принадлежат работы о таких выдающихся футболистах прошлого, как Джордж Бест, Йохан Кройф и Хосеп Гвардиола. Целая серия книг автора посвящена грандам немецкого и европейского футбола – мюнхенской «Баварии», дортмундской «Боруссии», «Барселоне», «Манчестер Юнайтед». Помимо изучения прошлого великих клубов, он также писал об истории мировых и европейских первенств, немецкой национальной сборной и легендарных тренерах. Отдельное место в творчестве Д. Шульце-Мармелинга занимают спортивно-исторические исследования в контексте германского национал-социализма. В 2011 году его труд ««Бавария» и ее евреи» была признана в Германии лучшей книгой о футболе. Также примечательно, что за два года до написания рецензируемого здесь сочинения исследователь создал жизнеописание выдающегося вратаря наших дней Мануэля Нойера.

Как отмечают многие рецензенты, характерной чертой всех футбольно-исторических работ Шульце-Мармелинга является глубокая социально-политическая контекстуализация предмета исследования. Автор признался в одном из интервью, что на его понимание великой игры как важного элемента общественной жизни серьезно повлияло знакомство со спортивными реалиями в

Северной Ирландии, где он жил в конце 1980-х годов.

В этом смысле биография Л.И Яшина не является исключением: ее первая глава посвящена истории не только советского, но и русского дореволюционного футбола. В ней автор информирует своего читателя о британских моряках, ставших во 2-й половине 19 века в портовых городах Российской империи футбольными миссионерами, о дальнейшем спортивном культур-трегерстве иностранных энтузиастов в Санкт-Петербурге и Москве начала 20 века, а также о недолгой институциональной истории имперского футбола. Не был обойден им и такой важный для русско-немецких футбольных контактов эпизод, как встреча сборных России и Германии на Стокгольмской Олимпиаде 1912 года. Результаты того легендарного матча до сих значимы для статистики национальных команд двух стран, так как поражение от немцев с невероятным для современного футбола счетом 0:16 по-прежнему остается самым крупным в истории Российского футбольного союза. В свою очередь, до сих пор не побит рекорд немецкого нападающего Готфрида Фукса, забившего 10 мячей в ворота незадачливого русского голкипера Льва Фаворского... (S.24).

При реконструкции истории советского спорта автор опирается на труды таких известных исследователей, как Роберт Эдельман, Джим Риордан, Майк О'Махоуни и др. В этом смысле Дитрих Шульце-Мармелинг, не являясь собственно специалистом в области истории русского футбола, выступает скорее в роли популяризатора достижений данной субдисциплины, знакомя широкую немецкую аудиторию с мало известным ей феноменом «красного спорта». Таким образом, он помещает конкретную спортивную и человеческую судьбу лучшего вратаря всех времен – единственного среди голкиперов обладателя «Золотого мяча» – в политический и социокультурный контекст советского модернизационного проекта, для которого было характерно амбивалентное отношение к спорту в целом и спорту массовому особенно.

Ключевыми этапами этой сложной истории взаимоотношений советских властителей и всенародно любимой игры, на которых останавливается автор, были периоды откровенно антифутбольной политики большевиков, последующая международная изоляция советского спорта, вынужденная реинституционализация и профессионализация футбола и т.д. Важнейшими событиями на пути «нормализации» отношений партийных вождей к спортивной активности масс (с последующим переходом к ее политической инструментализации), по мнению автора, стали учреждение общесоюзной лиги и показательная игра футболистов московского «Спартака» на Красной площади для Сталина (1936), приезд в СССР команды басков, неравная борьба Л. Берии против братьев Старостинных, крайне успешное британское турне команды «Динамо» (Москва) осенью 1945 года и др. (S.25-42). Говоря о позднесталинском времени и эпохе хрущевской «оттепели», он справедливо указывает на крайнюю политизацию международных футбольных встреч, приводя в качестве примера матча сборной СССР против Югославии и ФРГ (S.62-84).

Далее автор так же, пунктиром, проходит по послевоенной истории советского футбола. И, как

видно по отзывам немецких читателей книги, несмотря на обилие в ней незнакомых имен и неизвестных фактов, Дитриху Шульце-Мармелингу удалось показать структурное место народной игры в рамках политической истории СССР - через ее персонализацию в лице Л.И. Яшина. Стоит ли говорить, что такой «методологический» прием значительно облегчает доступ немецкому любителю спорта к чужой (т.е. русской) культурной истории, делая возможным восприятие Другого не просто как исторического врага или спортивного соперника, но и как выдающегося современника, коллеги и даже друга. В этом отношении очень значимы для данной стратегии приведенные в книге высказывания о Яшине игравших против него легендарных немецких футболистов, включая самого знаменитого из них - «Кайзера» Франца Бекенбауэра (S.7-8).

Но особенно содержательным оказался разговор с нападающим сборной ФРГ 1950-60 годов Уве Зеелером, с которым автор встретился перед исследовательской поездкой в Москву. Оказалось, что Л.И. Яшин, несмотря на официальную советскую политику в духе «Холодной войны», поддерживал с ним дружеские отношения, в которые были включены и супруги выдающихся спортсменов (S.16). С В.Т. Яшиной Д. Шульце-Мармелингу удалось лично встретиться во время приезда в Россию. Трогательные впечатления от этой встречи переданы в очень личном введении к книге, в котором показано экзистенциальное измерение всего исследования: автор впервые узнал о русском чудовратаре в далеком 1966, будучи еще ребенком. И именно Лев Яшин стал для него и многих других западных немцев примером того, что «русский» и даже «коммунист» может быть предметом восхищения. В этом смысле фигура динамовского вратаря сопоставима с образом Юрия Гагарина, ставшего для СССР успешным экспортным брендом (S.12-14).

При этом автор очень точно фиксирует главный парадокс крайне удачной спортивной и общественной карьеры Яшина в условиях советской системы с ее императивом коллективизма: ее символическим репрезентантом для мирового футбола стал именно вратарь, т.е. индивидуалист по определению, несмотря на отчасти ритуальные, отчасти искренние высказывания самого героя в духе официального дискурса (S.197-219).

Благодаря телевизионным трансляциям чемпионата мира 1966 года в Англии, Яшин проник в квартиры немецких болельщиков, а сегодня, благодаря сочинению Дитриха Шульце-Мармелинга, любители футбола в Германии могут получить детальное представление о его спортивной и человеческой судьбе в контексте советской культурной и политической истории. При этом отдельный интерес для них могут представлять разделы книги, посвященные собственно вратарскому искусству Яшина – его роли модернизатора функционала голкипера и хорошо узнаваемому «яшинскому» стилю игры. Ведь именно он перевел игру «человека в рамке» на совершенно иной уровень, раскрыв для вратарей игровое пространство вне пределов штрафной площадки, расширив их защитный инструментарий (знаменитое выбивание мяча кулаком) и обогатив общекомандную тактику элементами игры без мяча (S.173-196).

Как уже говорилось, биограф не является профессиональным историком русского спорта, поэтому вынужденно использовал в качестве источников немецко- и англоязычные публикации по теме. Иногда это приводит к неизбежным в таких случаях курьёзам. Так, объясняя причины упоминавшейся выше «спортивной Цусимы» 1912 года, как назвала русская пресса стокгольмский разгром национальной сборной, автор утверждает, что футбольная команда России состояла из... легкоатлетов! Кроме того, согласно его данным, вечер перед игрой обе команды посвятили совместным возлияниям, так что немцы просто перепили русских! (S.24). Заинтересовавшись этим явным анекдотом, рецензент связался с Д. Шульце-Мармелингом, чтобы выяснить источник данного апокрифа. Оказалось, что это общее место в немецком футбольно-историческом дискурсе...

Несмотря на этот и иные ляпы, отмеченные другими рецензентами, в целом данная книга является отличным введением для немецкого читателя в мир русского и советского футбола, что особенно своевременно в преддверие ЧМ-2018 в России.

Münkler, Herfried: Der Große Krieg. Die Welt 1914-1918. –
(Bundeszentrale für Politische Bildung, Bd. 1438), Bonn (Berlin: Rowohlt
Verlag), 2014. – 926 S. – ISBN: 978-3-8389-0438-2

Мюнклер, Херффрид: Великая война. Мир в 1914-1918 гг. Бонн,
2014. 926 с.

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

К 100-летию юбилею Великой войны вышло целое поколение трудов, посвященных истории первой тотальной войны, самых разных жанров, масштабов исследования и объемов, в том числе и так называемые *opus magnum*. Работа известного и весьма востребованного в последнее десятилетие политолога Х. Мюнклера на этом фоне выделяется хотя бы тем, что балансирует между почти научно-популярным стилем изложения по уровню описательности и весьма смелой попыткой свести воедино результаты, достигнутые (на момент написания) в изучении этого глобального явления западноевропейской историографией. Автор, до того занимавшийся проблематикой Великой войны в контексте своих геополитических исследований лишь как одним из сюжетов, поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу. Ему удалось не вступить в мало перспективную конкуренцию с признанными лидерами мировой историографии Первой мировой войны, также отметившихся (как Х. Стрэчен или Й. Леонхард) выходом своих *opus magnum*, и, одновременно, в известной степени дополнить их и сделать более доступными для не-специалистов ряд достижений современной исторической науки о войне 1914-1918 гг.

Х. Мюнклер не скрывает методики своей работы, а также исходный интерес издателей к созданию новой германской научно-популярной версии событий, подчеркивает обобщающий характер своего труда, фактически сводя роль автора в основной части книги к переработке и более удачной «упаковке» результатов десятков солидных трудов по самому широкому спектру смежных и специальных проблем истории рассматриваемого периода. Влияние современных классиков историографии Великой войны чувствуется и в компоновке рассматриваемых сюжетов. Для решения этой непростой задачи критически важно настоящее литературное, почти журналистское умение быстро и рельефно отображать различные ситуации, подбирать эффектные цитаты, факты и цифры, находить полуафористичные характеристики персонажей (например, Фалькенгайн сравнивается с Янусом, S. 435, наступление австро-венгерской армии на Пьяве в 1918 г. названо

«фарсом», S. 729) или коллизий. Нельзя не отметить и профессионально-беглый, но очень меткий разбор основных политических мифов, в том числе и такой их части как германские «споры историков» второй половины XX в. (S. 17-18), внимание к личным конфликтам и проблемам в интерпретации действий противника, как фактору принятия политических и военных решений (например, в Июльском кризисе, S. 59, или о конфликте Фалькенгайна и Конрада, S. 362), зоркое указание на тенденциозность в некоторых направлениях историографии или явное увлечение отдельными сюжетами при пренебрежении другими. Например, относительно чрезмерного внимания к «войне маленького человека» при фактическом забвении «взгляда из середины» и тех, кто «командовал сражениями», совершенно необоснованно оправдываемых якобы большей аутентичностью и ценностью писем и прочих материалов «из окопа» (S. 18-19). В описании боевых действий, в разборе старых антантовских обвинений в адрес германской армии и ее «зверств» Мюнклер порой несколько увлекается патриотическим задором, воспевая германские победы, что фактически без анализа транслирует миф о Танненберге, сравнивая с ним «разгром» британских экспедиционных сил в Приграничном сражении, считает сражение под Лодзью – победой (!) немцев, заявляет о неоднократном окружении «целых армий» и т.д. (S. 135-151, 193, 313). При этом недостатки германской армии, зачастую совершенно аналогичные описываемым изъянам русской, британской, французской почти не упоминаются вплоть до кампании 1918 г., истоки неудобных или трагичных мифов не анализируются, а в лучшем случае упоминаются (например, о Лангемарке, S. 207). Все это, хотя порой и не лишено оснований, все же производит впечатление патриотического опровержения созданных Антантой (и до сих пор востребованных) пропагандистских штампов (о франтирерах, о неограниченной подводной войне, о варварских бомбардировках и т.д.) путем не критической подмены их прогерманскими, например, патетически описывая страдания германского населения от последствий блокады (S. 480ff.), но не сербского, польского, армянского, еврейского, украинского и т.д. Явно в лучшую сторону от скупого и почти небрежного описания войны на Восточном фронте (такая блестящая победа германской армии как Новогеоргиевск не упомянута вовсе, Брусиллов стал «Александром», S. 436, и т.д.), что видно даже по сомнительной точности картам этого театра военных действий, отличаются написанные на основе новейших исследований главы о «материальных сражениях» на Западном фронте (Верден, Сомма, Фландрия, кампания 1918 г.). Выделяются тянувшееся на 12 страниц описание Ютландского морского сражения (S. 498ff.), главы об окопной повседневности и самых разных по своей привлекательности сторонах жизни солдат, что порой позволяет Мюнклеру соперничать с художественными описаниями уровня даже не Э. Юнгера, а скорее Э.М. Ремарка. На протяжении всей книги автор весьма убедительно развенчивает ряд устоявшихся мнений о социальных переменах, вызванных Великой войной, доказывая их преемственность по отношению к довоенным процессам, а затем по-настоящему мастерски заостряя ряд из этих проблем, в подборке кажущихся «парадоксов» истории войны (S. 785ff.) Нетривиальным и по-настоящему грозным предупреждением Мюнклера выглядит проводимая

им аналогия между геополитическим положением вильгельмовской Германии и современного Китая (S. 773), а также замечание об опасности иллюзий о невозможности войны, столь схожих с настроениями в кругах экономистов в начале XX в.

Разумеется, избранная Мюнклером для анализа подборка литературы – при всей ее обширности – также имеет особенности, а потому в отличие от, например, труда Й. Леонхарда по-настоящему универсальной, общемировой истории Великой войны здесь фактически нет. Сказывается не только отсутствие ряда базовых трудов из национальных историографий, но и порой чрезмерная опора на работы, либо уже не актуальные в научном обороте (как действительно хорошая, но уже вряд ли уместная книга П. графа Кильмансегга 1968 года издания), либо по меньшей мере спорные и полупропагандистские (как биографии Тирпица и Людендорфа автора В. Уле-Веттлера и М. Небелина), откуда автор черпает мнения такого антиуниверсального накала – «о германском милитаризме не может быть и речи» (S. 71) – что их не постыдились бы и в 1920-30-е гг. Разумеется, зачастую несколько резкие и неточные формулировки вызваны стремлением заострить проблему, уменьшить объем, а то и спровоцировать читателя. Автор недостаточно критически подходит к целому ряду клише по разным специальным проблемам военной истории, транслируемых, несмотря на давно уже проведенный критический их разбор и опровержение (зачастую еще в межвоенный период и такими специалистами как В. Грёнер, Кабиш и др.). Например, как минимум спорным выглядит резкое противопоставление Мольтке-младшего и Шлиффена, как стратегов (S. 17). Для Мюнклера в его версии война 1914-1918 гг. остается главным образом европейской трагедией, причем анализируемой почти исключительно с позиции западноевропейского наблюдателя, взгляд же Европы Южной, а тем более Восточной, не говоря о Ближнем Востоке, Африке, Тихоокеанском регионе фактически отсутствует. Разумеется, особенно это бросается в глаза российскому исследователю. Во внушительном списке литературы российская историография отсутствует. С этим связаны, например, ряд явных неточностей и прямых ошибок относительно роли России на Балканах, якобы впервые (!) вступившейся за сербов и болгар в 1877 г. (S. 46), не критическое восприятие мнения об особой ответственности Санкт-Петербурга за начало войны 1 августа 1914 г., о «стратегии окружения Германии и ее загнанности в угол» (S. 101, 105-106), особенно ярко выделяющееся на фоне в целом емкого и беспристрастного описания Июльского кризиса и т.д. Можно лишь пожелать возникновения целой серии национальных аналогов труду Мюнклера во всех основных странах-участницах Великой войны, с тем же соотношением патриотизма и доказательной базы для их последующего сравнения в рамках создания более общей картины и нового витка преодоления пороков в исторической памяти.

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на заметный объем разного рода неточностей и фактических ошибок, дотошное перечисление которых в рамках рецензии неуместно, книга вовсе не производит впечатления публицистики. В отличие от англосаксонского образца подобных трудов

она снабжена более чем внушительным научно-справочным аппаратом, удачными иллюстрациями, при отсутствии в данном случае не всегда удобных для восприятия таблиц или требующих лишнего объема диаграмм и приложений. В целом можно констатировать, что *opus magnum* Х. Мюнклера станет одним из лучших в своем поколении образцов общего описания Великой войны в первую очередь для германского читателя, побудив многих обратиться к дальнейшим исследованиям на основе использованных при его написании трудов. С важнейшей своей задачей – заинтересовать современного обывателя 800-страничным повествованием – автор безусловно справился, не утратив необходимого уровня научного подхода в анализе и сохранив баланс между иллюстративностью и интеллектуальной привлекательностью.

1. Schieder, Wolfgang: Benito Mussolini. – München: C.H.Beck, 2014. – 128 S. – ISBN 978-340-666982-8.

Шидер, Вольфганг: Бенито Муссолини. – Мюнхен: Бек, 2014. – 128 с. – ISBN 978-340-666982-8.

2. Woller, Hans: Mussolini. Der erste Faschist. Eine Biografie. München: C.H. Beck, 2016. - 397 S. – ISBN 978-3-406-69837-8.

Воллер, Ганс: Муссолини. Первый фашист. Биография. – Мюнхен: Бек, 2016. – 397 с. – ISBN 978-3-406-69837-8.

Рецензент / Rezensent:

Валерий Любин / Valerij Ljubin

Известное мюнхенское издательство Бек ферлаг опубликовало с небольшим интервалом две монографии двух видных немецких историков, посвященные фашистскому диктатору Италии Бенито Муссолини.

В небольшой по объему монографии бывшего профессора Кёльнского университета, специалиста по новой и новейшей истории Италии Вольфганга Шидера портрет Б. Муссолини изображен на фоне событий национальной и международной истории конца XIX – середины XX вв. Итальянский диктатор несомненно относится к наиболее «портретируемым» политикам XX столетия, пишет автор (1, с. 7). Ему вряд ли можно приписать «историческое величие», и если это ему и приписывать, то только в негативном ключе. Как создатель фашизма он оставил после себя некие результаты последовательной, но весьма тёмной деятельности. Интерес к Муссолини объясняется тем, что его биография не укладывается в обычную политическую схему. Он объединил в себе на удивление противоречивые черты. Как политик он прошел вначале путь от крайне левого до крайне правого фланга, затем прославился как основатель и непререкаемый вождь «правореволюционного движения фашизма» (1, с. 7).

Ему удалось получить в Италии поддержку политического истеблишмента и на этой шаткой и спорной основе выстроить систему личной диктатуры. Эта противоречивая диктатура привлекала внимание всей Европы. В «эпоху идеологий» Муссолини придерживался убеждения, что политику можно изменить с помощью волюнтаризма и добиться объединения левых и правых сил в стране. Он

не придерживался какой-либо разработанной программы. Его политическим стилем стал акционизм, при котором перформанс его выступлений играл большую роль, чем их содержание (1, с. 7).

Альянс с Гитлером стоит признать не только как политическую ошибку дуче, но больше как решение, неизбежно вытекавшее из хрупкой конструкции фашистской диктатуры. Однако, разумеется, это не значит, что вся политическая биография Муссолини должна интерпретироваться только исходя из его отношений с Германией. Но феномен наибольшей популярности Муссолини среди итальянского населения в 1930-е годы, «годы консенсуса», как назвал их самый известный биограф Муссолини – Ренцо Де Феличе, – нельзя понять без учёта его политического союза с Гитлером.

Шидер отражает такие этапы биографии дуче, как поворот от социализма к фашизму, взятие фашистами власти в 1922 г., государственный переворот 3 января 1925 г., дальнейшие главные события жизненного пути дуче. Главы книги соответственно названы: «Профиль диктатора», «Социалист – революционер, 1909-1914», «Изобретение фашизма, 1914-1919», «Взятие власти: «поход на Рим» 28.10.1922», «Переход к фашистской диктатуре: государственный переворот 3.01.1925», «Империалистическая политика войны, 1935-1939», «Ось Берлин-Рим 1.11.1936», «Радикализация фашистского режима, 1935-1938», «Между “не вступлением в войну” и “параллельной войной”, 1939-1943», «Вассал Гитлера, 1943-1945», «Муссолини в итальянской культуре памяти после 1945 г.». К монографии прилагаются хронологическая таблица, список литературы, именной указатель.

По своему происхождению Б. Муссолини в тогдашней Италии не было предназначено стать политиком, считает автор. Он не был выходцем из узкого круга верхнего слоя общества, который представлял перед Первой мировой войной либеральную Италию, и не имел региональных, клиентелистских связей, которые гарантировали в Италии политическую карьеру. Свою политическую карьеру тот выстроил сам, он смог в нужное время находить необходимых политических спонсоров. Чтобы понять необычный политический путь Муссолини, необходимо обратиться к его личности. То, что было в характере у молодого Муссолини, потом постоянно проявлялось в его дальнейшей жизни. Он был склонным к насилию и с трудом сдерживал свой темперамент. Французский историк Пьер Мильца приписывает ему «врожденную брутальность». Он затевал многочисленные дуэли, из которых сам он выходил невредимым, зато наносил тяжелые ранения своим соперникам.

Шидер останавливается на этапах жизненного пути Муссолини. Во время пребывания в Швейцарии в начале XX в. его наставницей в том, что касается знакомства с учением марксизма, была русская эмигрантка А. Балабанова, подчеркивает историк. Но какого-либо стройного мировоззрения у Муссолини не было, его взгляды отличались эклектизмом, набором самых противоречивых идей. На его идеологические подходы повлияла ницшеанская концепция «человека действия». В Швейцарии он выбрал для себя профессию журналиста, ставшую для него трамплином к карьере политика. В октябре 1914 г. Муссолини порвал с социалистами., и позднее ИСП исключила его из своих рядов.

Осенью 1914 г. он примкнул к движению интервентистов и после того, как это движение добилось своей цели в мае 1915 г. – вступления Италии в войну на стороне Антанты, – отправился воевать, получил ранение и был списан из армии. Этот факт своей биографии он впоследствии использовал для героизации участия Италии в войне и ее победы над австро-германским блоком.

В 1919 г. было создано фашистское движение, лидером которого с первого часа стал сам Муссолини, окруженный рядом соратников, многие из них были участниками мировой войны. Фашисты пришли к власти в ходе так называемого «похода на Рим» 30 октября 1922 г. После ряда покушений на него Муссолини в январе 1925 г. выступил с резкой речью в парламенте. Высказанные в ней положения и последовавшие за ней действия дуче, т.е. вождя итальянской нации, как стали его называть, привели к установлению в Италии фашистской диктатуры, продлившейся до 1943 г. Под руководством дуче в стране была создана фашистская система, в которой даже дети должны были воспитываться на идеях фашизма. В ней доминировали национализм, идеи превосходства итальянской нации, ведущей свое происхождение от древнего Рима, славу и величие которого Италии XX века было необходимо восстановить и продолжить. Итальянское королевство стало с середины 30-х годов на короткое время империей.

Шидер останавливается на причинах заключения союза фашистской Италии с нацистской Германией, создания так называемой оси Берлин-Рим и Антикоминтерновского пакта. Муссолини связал судьбу своей диктатуры с военными победами, которые он сможет одержать при поддержке Гитлера. В историографии принято считать, что именно отношения с нацистской Германией стояли в основе внешнеполитического курса Муссолини, начиная с 1936 г.

После захвата власти нацистами 30 января 1933 г. Муссолини выказывал симпатии к своему «талантливому немецкому ученику», считая, что «победа Гитлера это наша победа», но не проявлял их открыто. Первый шаг к дружбе с Гитлером и выстраиванию «оси» был предпринят лишь с приглашением Гитлеру приехать в Венецию 14.-15 июня 1934 г. На этой встрече кратко обсуждался и вопрос о Южном Тироле, и фюрер успокоил дуче, что в случае аншлюса Австрии этот регион останется итальянским. Для публики Муссолини превратил эту встречу в Венеции в «массовую фашистскую инсценировку» с участием 70 тыс. чернорубашечников (1, с. 73). Такими же инсценировками с массовым участием сторонников двух режимов стали потом и последующие встречи двух диктаторов, например, посещение Муссолини Германии в сентябре 1937 г., или посещение Гитлером Италии в мае 1938 г. Они служили демонстрацией транснационального фашистского «товарищества».

Следствием дружбы с нацистами стала зависимая вассальная внешняя политика Италии и дальнейшее вступление во Вторую мировую войну на стороне Германии. Итальянские войска предприняли наступление на юго-востоке Франции, но оказались недостаточно подготовлены, и поэтому при слабом сопротивлении французов смогли взять только маленький город Ментону и ряд приальпийских деревень. Учитывая большое число понесенных жертв итальянской армии,

Муссолини не смог, как он хотел, выглядеть победителем, и по сравнению с успехом, достигнутым немецкими войсками, он и его армия выглядели скорее как потерпевшие поражение (1, с. 96).

Под Сталинградом войска вермахта и вместе с ними плохо подготовленный к сражениям в зимних условиях в России итальянский корпус численностью 220 тыс. солдат были разгромлены (1, с. 99). Это привело к серьезному кризису внутри страны и падению фашистской диктатуры в июле 1943 г. Важным моментом, приведшим к свержению Муссолини, стала удачная высадка англо-американских войск на Сицилии 10 июля 1943 г. (1, с. 101). Попытки Муссолини затем спасти остатки режима в виде просуществовавшей с 1943 по 1945 г. при поддержке германской армии фашистской Итальянской социальной республики (ИСР), другое название – Республика Сало, на Севере Италии, окончились крахом, констатирует Шидер.

Охватившее Север и Центр Италии партизанское движение в апреле 1945 г. нанесло окончательное поражение фашистам. Пытавшийся пробраться в Швейцарию Муссолини вместе с последними оставшимися преданными ему соратниками был схвачен партизанами и расстрелян (1, с. 114). Труп Муссолини вместе с трупом актрисы Клары Петаччи, а также трупами некоторых фашистских функционеров был выставлен на обозрение жителей Милана. Их подвесили за ноги у бензоколонки на площади Лорето. «С мертвым Муссолини в этой оргии коллективного насилия расплатились постфактум за все его государственные преступления, которые он совершил за годы своей 23-летней диктатуры» (1, с. 115).

Остановившаяся на том, как интерпретируется фашизм в современной Италии. Шидер приходит к выводу, что, несмотря на усилия некоторых симпатизирующих фашизму политиков, в итальянской культуре памяти культ Муссолини не занимает значительного места, хотя антифашисты и бьют тревогу по поводу наметившегося возобновления прославления дуче и фашизма в итальянских медиа (1, 115-118).

Если труд Шидера похож на краткий очерк для специалистов историков или для энциклопедии, то монография Ханса Воллера написана скорее в доступном для широкой публики научно-популярном жанре. Х. Воллер – научный сотрудник Института современной истории, с 1994 по 2015 главный редактор журнала «Ежеквартальник современной истории». Среди его трудов монография «История Италии в XX столетии» (2010)¹. В его новой книге – биографии «первого фашиста» Муссолини – автор подытоживает свои исследования по итальянской истории. На самом деле книги и Шидера, и Воллера, строятся почти по одинаковым канонам.

Монография Воллера разделена на Введение, 11 глав, выстроенных в порядке хронологии жизни героя книги. Имеется приложение с избранной библиографией и именованным указателем, к тексту добавлено много фотоиллюстраций.

С возраста 26 лет Муссолини становится «тотальным социалистом», замечает Воллер. Эта его

¹ Woller H. Geschichte Italiens im 20. Jahrhundert. München: C.H. Beck Verlag, 2010. – 480 S.

деятельность продолжалась до 1914 г. В июле 1914 г. он был среди поддержавших всеобщую забастовку, переросшую в кровавые столкновения рабочих с полицией в Анконе, был арестован. Выступив в октябре 1914 г. со страниц газеты в поддержку вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты, Муссолини был исключен из ИСП. Он становится одним из лидеров интервентистов, сторонников участия стран в войне, возглавляет их революционное крыло.

Далее автор описывает дальнейшую эволюцию Муссолини в сторону национализма и патриотизма, участие в качестве солдата в Первой мировой войне, создание после войны фашистского движения и партии под его руководством, столкновения фашистов и социалистов в 1919-1922 гг. и, наконец, захват власти фашистами в октябре 1922 г. и постепенное установление диктаторского режима.

В 1926 г. на Муссолини было совершено покушение 16-летнего анархиста в Болонье, которого линчевали на месте. Диктатор не был даже ранен. Фашизм ответил на это и другие покушения усилением преследования оппозиционных сил, ужесточением тоталитарного режима. Существует подозрение, что это покушение оказалось инсценировкой, устроенной полицией и фашистской партией с тем, чтобы устранить последние остатки либеральной системы (2, с. 91). На выборах апреля 1924 г. фашисты с помощью манипуляций получили 65% голосов. Осудивший это депутат парламента социалист Дж. Маттеоти был ими убит. Когда это раскрылось, режим пережил самый острый кризис первых лет своего становления. Далее Италия развивалась в обстановке всеохватного тоталитарного режима. Муссолини становится настоящим диктатором, оппозиционеров избивают, бросают в тюрьмы и отправляют в ссылки, либо в эмиграцию.

Италия напала на Эфиопию осенью 1935 г., началась Абиссинская война. Итальянская армия чуть было не потерпела поражение, как и в далеком 1896 г., когда Италия совершила первое нападение на Эфиопию. Но затем с помощью массированного применения авиации и запрещенного химического оружия итальянцы одержали верх. 5 мая 1936 г. итальянские войска вошли в Аддис Абебу. Как результат своей победы в войне фашисты провозгласили, что их страна отныне стала империей. Война вызвала противодействие со стороны европейских демократий и Лиги наций в целом. Оказавшись под воздействием экономических и политических санкций, фашистская Италия попала в международную изоляцию. По последним данным, в ходе боевых действий в этой войне было убито 150 тыс. эфиопов, треть из них были гражданскими лицами. За время последующей оккупации погибли от 180 до 220 тыс. эфиопов, тогда как итальянцы понесли потери убитыми в 25 тыс. человек (2, с. 147).

В 1934 г. был созван «всемирный конгресс» симпатизирующих фашистам крайне правых сил в г. Монтрё. Все они «были расистами и многие даже убежденными антисемитами» (2, с. 127). Идея сплочения этих сил в единый Интернационал потерпела провал после того, как обострились противоречия между фашистским и нацистским режимами в 1935-1936 гг. Гитлер и деятельность НСДА поначалу не пользовались особой симпатией со стороны Муссолини (2, с. 133).

Воллер исследует, как в Италии были приняты расистские и антисемитские законы 1938 г.

Муссолини проводил жесткую политику в отношении колоний, относился к тем же эфиопам, ливийцам и сомалийцам как гражданам второго класса, «рабам» своей новой империи (2, с. 149-150). С середины 1930-х годов началось преследование евреев, лишение их постов в науке и культуре, в 1938 г. были приняты расовые законы. Итальянских евреев отправили затем в гитлеровские концлагеря.

Удачными в книге Воллера являются главы, посвященные агрессивной внешней политике фашистского государства, участию Италии во Второй мировой войне, агонии и падению диктаторского режима, смерти Муссолини от рук партизан. Это проанализировано автором в главах, названия которых говорят сами за себя: «Союзник Гитлера», «Извлекший выгоду от «Оси», «Падение», «Сало' и смерть», а также в завершающей книгу главе «Наследие».

После Абиссинской авантюры Муссолини, по словам автора, так и не сошел с тропы войны. В Испании Муссолини и Гитлер вели совместную войну на стороне генерала Франко. Сближение фашистского и нацистского режимов вылилось в создание «Оси» Берлин-Рим в 1936 г. После этого Муссолини постепенно впал в зависимость от более сильного союзника и его внешняя политика становится несамостоятельной. Хотя Муссолини и не нравилось то, что Гитлер сделал с Австрией и Чехословакией, но ему было нечего противопоставить. Продолжая агрессивную политику «Оси», весной 1939 г. фашистская Италия напала на Албанию с целью ее захвата и подчинения. Гитлер был доволен тем, что Италия тем самым еще больше отдалялась от Англии и Франции. «Проект военного союза не терял значения в глазах Гитлера и Муссолини, он был очень важен для обоих, и весной 1939 г. все перешло в решающую фазу» (2, с. 185).

Хотя Муссолини и пытался маневрировать и оставить за собой возможность выйти из военного сотрудничества с нацистской Германией, но когда Германия за несколько недель расправилась с Польшей и западные державы ничего при этом не сделали, у фашистского диктатора появилась надежда на ведение собственной войны, находясь в союзе с Гитлером. При этом Муссолини форсировал подготовку своей страны к войне, к 1941 г. расходы на вооружение выросли до 23% ВВП, увеличившись всего лишь за год в два раза (2, с. 195). Дуче напал в 1940 г. на Грецию, затем на Францию, агонизировавшую под ударами вермахта. Итальянцы ввязались и в войну с соседней Югославией. В Северной Африке итальянская армия начала наступление из Ливии на Египет и при поддержке немцев сражалась с англичанами. Нападение Германии на СССР имело следствием посылку итальянского корпуса на Восточный фронт, где все закончилось сокрушительным поражением итальянцев под Сталинградом и последующим отступлением и пленением большого числа итальянских военнослужащих. Поражения на фронтах и рост недовольства масс в тылу расшатали режим, и 25 июля 1943 г. Муссолини в результате заговора был свергнут своими бывшими соратниками. 8 сентября 1943 г. Италия заключила перемирие с союзниками (2, с. 276).

Освобожденный из плена своими немецкими партнерами, Муссолини создал осенью 1943 г. на Севере страны так называемую Итальянскую социальную республику (Республику Сало),

находившуюся по сути под контролем немецких войск. Как отмечал в своем дневнике Геббельс 25 января 1944 г., Гитлер потерял «всякую надежду» на Муссолини» (Цит по: 2, с. 281).

В конце апреля 1945 г. Муссолини в попытке скрыться оказался схвачен партизанами на границе со Швейцарией и казнен. Проведение судебного процесса было в таких условиях исключено, отмечает автор. По замыслу партизан, дуче должен быть немедленно казнен. «Как это произошло, до сих пор не до конца выяснено. Но все говорит о том, что решение об ускоренном суде над Муссолини принималось небольшой группой, в которой доминировали левые партизаны, к ним принадлежал и будущий президент Итальянского государства С. Пертини. Приведение приговора в исполнение было поручено отличившемуся на войне в Испании коммунисту Вальтеру Аудизио, и 28 апреля 1945 г. он выполнил не только порученное ему задание, но и лишил жизни Кларетту Петаччи (2, с. 314).

Трупы Муссолини и его соратников были привезены 29 апреля в Милан и выставлены там подвешенными вверх ногами на площади Лорето. Место было выбрано не случайно, потому что в августе 1944 г. там же в целях устрашения по приказу немцев фашистскими милиционерами были повешены вверх ногами пятнадцать заложников. «Там должен был быть дан теперь ответ на это преступление и вообще на всё то, что фашизм сделал со своими жертвами» (2, с. 315). «В то воскресное утро на площади Лорето царило настроение народного праздника, туда приходили десятки тысяч людей» (2, с. 315). Массы миланцев словно торопились избавиться от своей памяти о нем и от своего прошлого при фашизме, пишет Воллер (2, с. 316).

В заключение автор пишет о сложившемся своеобразном культе дуче в его родном Предаппио. Консервативные правительства в годы после режима Муссолини хотели для страны лишь упокоения после пережитой ею гражданской войны. Своей главной задачей они считали реабилитацию итальянской нации, которая представлялась в их глазах «угнетенной жертвой небольшой фашистской клики и преступников немцев» (2, с. 325-326). Коммунистическая оппозиция, которая была основной силой Сопротивления фашизму, по тем же причинам заняла сходную позицию. Она делала ставку на то, чтобы укоренить в общественном сознании легенду, что весь итальянский народ боролся против национал-социализма и фашизма, выставить себя как ведущую силу этой национальной борьбы и тем самым представить себя как надежную демократическую силу. Любые другие интерпретации истории становились в таких условиях невозможными. Распространялась легенда о «добром итальянце», не виновном ни в каких военных преступлениях и ни в чём-нибудь подобном. И левые, и правые десятилетиями крепко цеплялись за эту историческую конструкцию, она была провозглашена опорой национальной идентичности (2, с. 326). Мэр Предаппио профессор Дж. Фрассинетти намерен превратить свой город в лакомую цель для туристов «чернорубашечников», построить музей фашизма, где можно будет увидеть и понять, «как фашизм возник, каким был в действительности и как потерпел поражение» (2, с. 333).

Разумеется, оба автора внесли свой вклад в изучение фашистского режима в Италии, а их новые книги о Муссолини позволяют осветить ряд проблем, которые все еще не до конца изучены

историками. И тому, и другому в этих новых монографиях удалось по-новому высветить особенности личности фашистского диктатора, отразить в каких условиях проходило его становление в молодости, показать, как он действовал и в каком окружении находился в разные периоды своей жизни, дать взвешенные оценки этих действий и этого окружения. Оба автора, однако, в качестве используемых источников ограничились в основном известной литературой о фашистском диктаторе и мало использовали архивные документы. Но поскольку в качестве адресата, очевидно, имелась в виду широкая читательская аудитория и менее всего те, кого интересует введение в научный оборот новых архивных материалов, научно-популярный подход оказался здесь оправданным.

Балансирование между профессиональным подходом исторической науки и обращением к публицистическому жанру в обоих случаях оказалось удачным и, вероятно, позволит мюнхенскому издательству обратиться к переизданию данных книг.

Nonn, Christoph: Bismarck. Ein Preuße und sein Jahrhundert. -
München: Verlag C.H. Beck, 2015. – 400 S. – ISBN 978-3-406-67584-8.
Нонн, Кристоф: Бисмарк. Пруссак и его век. - Мюнхен: Бек, 2015. –
400 стр. - ISBN 978-3-406-67584-8.

Рецензент / Rezensent:
Николай Власов / Nikolay Vlasov

Количество биографий «железного канцлера» столь велико, что уже практически не поддается подсчету. Есть среди них и популярные издания на любой вкус, и фундаментальные исследования, ставшие настоящими вехами в мировой историографии. К числу вторых принадлежат, например, знаменитая работа Лотара Галла «Белый революционер»¹, а также двухтомники Эрнста Энгельберга² и Отто Пфланце³.

В этих условиях каждому автору, который берется за жизнеописание Отто фон Бисмарка, нужно в первую очередь обосновать необходимость своего творения. Зачем нужна еще одна биография «железного канцлера»? Чем она будет отличаться от предыдущих? На эти вопросы вынужден искать ответ любой современный биограф Бисмарка. Джонатан Стейнберг, к примеру, разъясняет, что его книга отличается от работ предшественников целью и методом: в фокусе его внимания находится вопрос о том, какие черты личности помогли «железному канцлеру» сосредоточить в своих руках огромную власть. В поисках ответа он опирается, в первую очередь, на свидетельства современников, «давно умолкнувшие голоса»⁴.

Перед лицом этой же необходимости оказывается и Кристоф Нонн, автор одной из новейших биографий «железного канцлера». Его книга «Бисмарк. Пруссак и его век» была опубликована в 2015 году – в год двухсотлетнего юбилея «железного канцлера»⁵. «Юбилейный» характер работы выдает и тот факт, что Нонн, являясь одним из признанных специалистов по истории Германии XIX-XX веков, ранее никогда не обращался непосредственно к проблемам жизни и деятельности Отто

¹ Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt-am-Main – Berlin, 1980.

² Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1985; Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990.

³ Pflanze O. Bismarck. In 2 Bd. München, 1998.

⁴ Steinberg J. Bismarck. Magier der Macht. Berlin, 2012. S. 20.

⁵ Nonn C. Bismarck. Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015.

фон Бисмарка.

В предисловии автор справедливо говорит о том, что любой историк является продуктом эпохи и рассматривает прошлое через призму проблем, вопросов и потребностей своего времени. В восьмидесятые годы, когда писали свои капитальные труды Лотар Галл и Ганс-Ульрих Велер, Эрнст Энгельберг и Отто Пфланце, одной из наиболее животрепещущих проблем являлось воссоединение разделенной Германии. Соответственно, вольно или невольно биографы обращали внимание на аспекты деятельности «железного канцлера», которые были связаны с объединением страны, с созданием национального государства.

Между тем, новая эпоха ставит перед исследователями новые вопросы. На повестке дня стоят уже не проблемы национального государства, а судьба европейской интеграции. «Явная параллель между эрой Бисмарка и эпохой после 1990 года заключается в той роли, которую Германия играет в Европе» - пишет Кристоф Нонн⁶. Соответственно, он ставит перед собой задачу рассмотреть деятельность Бисмарка в первую очередь в европейском контексте. При этом автор намерен опираться, в первую очередь, на высказывания самого «железного канцлера» – в противовес «некоторым», делающим упор на свидетельства современников (откровенный намек на Стейнберга)⁷. Вторая, не менее важная задача – избежать как восхвалений, так и морального осуждения Бисмарка, ограничившись лишь извлечением уроков для настоящего и будущего⁸.

Удастся ли Кристофу Нонну справиться с поставленной задачей и написать действительно оригинальную работу, рассматривающую жизнь и деятельность Бисмарка под новым углом зрения? Однозначно ответить на этот вопрос не получится.

Книга Нонна, действительно, получилась непохожей на другие широко известные биографии «железного канцлера». В первую очередь потому, что автор уделяет большое внимание историческим альтернативам. Что произошло бы, если бы Бисмарк в 1862 году не был назначен главой прусского правительства? Если бы объединение Германии не произошло, и Германский Союз продолжал бы существовать? Если бы Фридрих III смог раньше прийти к власти, и ему было бы отведено не 99 дней, а хотя бы несколько лет правления? Поискам ответов на эти вопросы посвящены целые главы.

У некоторых читателей такой подход может вызвать определенный скепсис. В конечном счете, история не знает сослагательного наклонения. В действительности историческая альтернатива – серьезный метод познания, которому в последние годы уделяется все больше внимания⁹. Более того, любая аналитическая история невозможна без рассмотрения альтернативных сценариев.

⁶ Ibid. S. 11.

⁷ Ibid. S. 14.

⁸ Ibid. S. 357.

⁹ См. напр. Lebow G.N. Forbidden fruit. Counterfactuals and international relations. Princeton, 2010.

Поэтому исторические альтернативы и в данном случае вполне уместны. Вопрос в том, насколько обоснованными являются выводы, к которым приходит Нонн при их рассмотрении.

Возьмем для примера проблему политики Бисмарка в отношении германской социал-демократии. Нонн приходит к выводу, что начатая «железным канцлером» в 1878 году борьба против социалистов значительно усилила последних. В качестве аргумента он приводит пример Великобритании, где промышленное развитие не привело к формированию сильной рабочей партии¹⁰. При этом, однако, полностью игнорируется факт быстрого роста влияния социал-демократов во Франции и Австро-Венгрии, где также не существовало прямых аналогов германского «Исключительного закона». Между тем, сравнение с континентальными соседями было бы очевидно более корректным, чем с Великобританией, обладавшей целым рядом ярких индивидуальных особенностей.

Вторая отличительная черта работы Нонна – стремление показать деятельность Бисмарка на фоне широкого исторического контекста. Безусловно, это более чем уместно в любой биографии. Деятели прошлого являются не изолированным субъектом (а именно такое ощущение нередко возникает при чтении биографий), а частью современного ему общества. Поэтому автор любого жизнеописания должен решить непростую задачу: отвести историческому контексту достаточно места для того, чтобы последний помогал понять условия, в которых действовал главный герой, но при этом биография не превратилась в очерк истории соответствующей эпохи.

Найти идеальный баланс очень сложно, однако Кристоф Нонн в целом справляется с этой задачей. Тем не менее, некоторые темы рассмотрены слишком подробно, особенно учитывая небольшой объем книги. Стоило ли, например, уделять так много места характеру и природе революции 1848-49 годов? Возможно, было бы правильнее ограничиться основными, наиболее важными тезисами? Такое ощущение возникает временами и при обращении автора к европейскому контексту деятельности Бисмарка.

Наконец, третье, о чем хочется сказать. Нонн по многим вопросам пересматривает взгляды своих предшественников и бросает вызов сложившимся в историографии представлениям. В целом ряде случаев это вполне оправданно. Однако у внимательного читателя в какой-то момент возникает сомнение в том, не является ли это сомнением ради сомнения, оригинальностью ради самой оригинальности. К примеру, внезапный поворот Бисмарка к колониальной политике весной 1884 года Нонн объясняет его стремлением поссориться с Англией; это, в свою очередь, было необходимо, чтобы «вбить клин между либералами и кронпринцем», который мог вскоре прийти к власти¹¹. Вынужденный представлять официальную политику империи, Фридрих Вильгельм, по мнению Нонна, неизбежно поссорился бы с симпатизирующими Британии и критически

¹⁰ Nonn C. Op. cit. S. 254.

¹¹ Ibid. S. 312.

относившимися к колониальным захватам либералами. Уже сама эта логика представляется сомнительной. Без ответа остается вопрос о том, что заставило «железного канцлера» именно в этот момент внезапно осознать, что Вильгельм I уже очень стар, и надо готовиться к приходу нового монарха. Неясно, почему предпринятый маневр обязательно должен был поссорить кронпринца с либералами; Фридриху Вильгельму и раньше не раз случалось представлять политическую линию, расходившуюся с представлениями его союзников. Куда более очевидной внутривнутриполитической причиной «колониального поворота» являлись выборы в рейхстаг, которые должны были состояться осенью 1884 года и на которых Бисмарк рассчитывал улучшить позиции верных ему партий за счет использования популярного лозунга.

Впрочем, речь идет о дискуссионном вопросе, где возможны различные точки зрения. Таких вопросов в работе Нонна достаточно много. Это вряд ли можно отнести к недостаткам; в конечном случае, хорошая книга должна вызывать споры. Гораздо хуже та, которая оставляет читателя равнодушным или которую ему хочется закрыть, прочитав первые страницы.

К числу таких изданий работа Кристофа Нонна, безусловно, не относится. Она написана прекрасным литературным языком, читается легко и интересно и встретит хороший прием у массового читателя, на которого, собственно, во многом и рассчитана. И, едва ли не самое главное: автору действительно удалось сделать ее непохожей на другие биографии Бисмарка.

К какому же выводу приходит Нонн в конце своей книги? Он отнюдь не склонен преувеличивать ни масштаб личности Бисмарка, ни его роль в истории. Сравнивая «железного канцлера» с другими консервативными политиками той эпохи, автор пишет, что его герой отнюдь не был уникален. Он «не являлся гением»¹² или сверхчеловеком, лишь талантливым дипломатом. Он не был творцом истории – лишь ее «повивальной бабкой»¹³. И это вполне соответствует взглядам самого Бисмарка, однажды написавшего: «Я не настолько самонадеян, чтобы верить, что кто-то может делать историю. Моя задача – наблюдать за ее течением и вести по нему свой корабль в меру моих сил. Самим течением я не могу управлять, не говоря уже о том, чтобы вызывать его»¹⁴.

¹² Ibid. S. 355.

¹³ Ibid. S. 356.

¹⁴ Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 4. Darmstadt, 2001. S. 362.

Burmistr, Svetlana: Die „Minsker Zeitung“. Selbst- und Fremdbilder in der nationalsozialistischen Besatzungspresse. – Berlin: Metropol Verlag, 2016. – 364 S. – ISBN: 978-3-86331-300-5.

Бурмистр, Светлана: «Минская газета». «Свои и чужие» в изображении нацистской оккупационной прессы. – Берлин: Издательство Метрополь, 2016. - 364 С. - ISBN: 978-3-86331-300-5.

Рецензент / Rezensent:
Андрей Замойский / Andrei Zamoiski

В 2016 году в Берлине вышла монография Светланы Бурмистр, в которой автор исследовала истории «Минской газеты» (полное название – „Minsker Zeitung. Das deutsche Tageblatt für Weißruthenien“, «Минская газета: немецкое ежедневное издание для Вайсрутении»), которая издавалась в оккупированном Минске в период с апреля 1942 по июнь 1944 гг. и распространялась на занятой нацистами части территории Беларуси, главным образом в т.н. Генеральном комиссариате Белоруссии (Generalkommissariat Weißruthenien). В своей работе автор обращается в малоизученной теме, к которой принадлежит история немецкой оккупационной прессы, которая до недавнего времени не становилась объектом отдельного исследования. В монографии представлены различные аспекты, связанные не только с историей этого оккупационного издания, а с гораздо более широким комплексом тем, касающемся вопросов печати, пропаганды, оккупационной политики, в т.ч. преследования нацистами еврейского населения и др.

В монографии Светланы Бурмистр подробно отражена политика национал-социалистической партии в отношении печати. Автор представляет читателю сведения о том, как строилась структура управления нацистской печатью и действовали механизмы пропагандистской машины нацистов в довоенной Германии. Следуя цели своего исследования, Светлана Бурмистр доказывает, что издания, выходившие на оккупированных нацистами территориях, можно рассматривать как новый тип национал-социалистической прессы (с. 80). На оккупированных территориях Европы нацистская пропаганда приспосабливалась к местным условиям. Деятельность немецких издательств и оккупационной прессы находилась под строгим контролем Берлина (с. 108). Безусловно, издание «Минской газеты» необходимо рассматривать в контексте истории т.н. «Besatzungspresse»

(окупационной прессы), которая издавалась в оккупированных Германией 14 странах Центральной и Восточной Европы и находились в подчинении «Издательства Европа» (*Europa Verlag GmbH*) (с. 90).

Важное внимание автор уделила вопросам управления и формирования издательского дела в оккупированном Минске (с. 116). Следуя за войсками, прибывали журналисты и прочие сотрудники различных немецких учреждений (издательств, типографий). «Минская газета» начала выходить несколько позже, чем подобные издания в других оккупированных районах Восточной Европы (с. 85). Автор представляет биографии некоторых немецких сотрудников редакции «Минской газеты», которые как правило являлись членами национал-социалистической партии. Во главе редакции в Минске стоял активный сторонник идей НСДАП Ханс Дэн (Hans Dähn), который возглавлял издание фактически до освобождения Минска летом 1944 г. (с. 136). В монографии достаточно подробно изложены вопросы, связанные с изданием «Минской газеты», повседневной деятельностью издательства и редакции в Минске, например, кадровой политики издательства (с. 126). Так, для развития печатного дела оккупационные власти также привлекали к сотрудничеству местных специалистов, численность которых значительно превышала количество самих немецких сотрудников, прежде всего за счет технического персонала (с. 124).

Нацистская пропаганда чётко улавливала тенденции как следует проводить работу со своей целевой аудиторией. «Минская газета», издававшаяся на немецком языке, была рассчитана, прежде всего, на немецких гражданских специалистов и военнослужащих, находящихся в Генеральном комиссариате (с. 171). По мере развития нацистской печати на оккупированных территориях, за счет местного населения расширялась целевая аудитория новых газет, которые издавались на белорусском языке, таких как «Беларуская газета» и пр. (с. 177). Автор в своей работе показывает особенности пропаганды, рассчитанной на городских и сельских жителей Генерального комиссариата, а также какую роль играла «Минская газета» в обосновании оккупационной политики. Интерес представляет также как строилось тесное сотрудничество редакции газеты со службой, отвечающей за проведение пропаганды (*Propagandaamt Minsk*) (с. 200).

На основании богатого фактического материала в монографии представлено, как в «Минской газете» отражался широкий круг различных политических, социальных и экономических тем, какие рубрики включало это оккупационное издание (с. 181-182). Особое внимание, естественно, редакцией уделялось информированию немецкоязычного читателя о различных мероприятиях оккупационной власти. В то же время на страницах «Минской газеты» публиковались материалы, касающиеся непосредственно ситуации на оккупированных белорусских территориях, в том числе проблемы положения местного белорусского населения. Пресса оккупантов стремилась донести до аудитории мысль, что белорусы якобы получили шанс на национальное и культурное возрождение в результате немецкого «освобождения от большевицкого ярма» (с. 280). Особое место на страницах

газеты было отведено темам обоснования войны против СССР (с. 213) и немецкой политики на захваченных территориях (с. 218). Журналисты акцентировали внимание на репрессиях сталинского режима, а также социальных проблемах советского общества (с. 283). Безусловно, в газете был представлен позитивный образ нацистской Германии и её роль в построении т.н. «Новой Европы» (с. 222). Газета информировала читателей о международной обстановке и о положении союзников т.н. Третьего рейха (с. 314). «Минская газета» также отмечала «заслуги» немецких служащих, задействованных «в оказании помощи» местному населению, в частности в вопросах здравоохранения и пр. (с. 198). Отдельное внимание было уделено развитию и деятельности белорусских коллаборационистских организаций, таких как Белорусская народная самопомощь (с. 298), Союз белорусской молодёжи, Белорусская центральная рада (с. 300) и пр. «Минская газета» являлась важным инструментом пропагандистской машины оккупационных властей (с. 194). По понятным причинам деятельность газеты пользовалась поддержкой со стороны гауляйтера Вильгельма Кубе и руководства Генерального комиссариата, которое всячески отмечало заслуги этого издания (поздравление редакции с юбилеем и т.п.).

Журналисты «Минской газеты», как и прочих нацистских и местных оккупационных изданий, активно прибегали к различным техникам демонизации врага (в т.ч. руководства СССР, органов советской власти, союзников, Красной армии, партизан, евреев, и т.д.). В исследовании Светланы Бурмистр значительное внимание посвящено тому, как на страницах «Минской газеты» освещался «еврейский вопрос». Исходя из политических установок, оккупационные власти замалчивали карательные акции против еврейского населения или уделяли особое внимание демонизации евреев (с. 261). В то же время в связи с нехваткой квалифицированного персонала в немецком издательстве в Минске использовался принудительный труд специалистов еврейской национальности, которые в дальнейшем подлежали уничтожению. Скорее всего, они разделили трагическую судьбу узников Минского гетто (с. 154).

Следует отметить, что помимо самих материалов «Минской газеты» и периодики периода т.н. Третьего рейха, в основу исследования легли богатые архивные материалы различных немецких учреждений, доступные в архивах Германии и Республики Беларусь. К сожалению автору не удалось ознакомиться со следственными материалами коллаборационистов, работавших или сотрудничавших с немецкими издательствами, которые хранятся в архивах спецслужб Российской Федерации и Республики Беларусь. Возможно, когда эти материалы будут рассекречены и доступны исследователям, они смогут дополнить имеющиеся сведения о функционировании немецкой оккупационной печати, деятельности издательств и редакции, отношениях в коллективах и пролить свет на прочие вопросы.

Безусловно, исследование Светланы Бурмистр заслуживает особого внимания. Это хорошо структурированная работа, которая в полной мере представляет историю и механизмы

функционирования нацистской оккупационной печати на примере одного издания. Автору удалось не только скрупулезно исследовать историю газеты, а также представить основные направления оккупационной политики в области пропаганды и печати, а также на примере «Минской газеты» показать, как оккупационная печать приспосабливалась к региональным особенностям. Хочется пожелать, чтобы исследование Светланы Бурмистр увидело свет на русском или белорусском языке, что, безусловно, способствовало бы знакомству историков Восточной Европы с достижениями немецкой историографии, в такой области как история оккупационной печати.